

И.А. Кукушкин*, Д.С. Жусупов, Е.А. Дмитриев***

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
ул. Университетская, 28, Караганда, 100028, Казахстан
E-mail: sai@ksu.kz;
yevgenii1992@mail.ru

**Карагандинский областной историко-краеведческий музей
ул. Ерубаяева, 38, Караганда, 100000, Казахстан
E-mail: donya_1986@mail.ru

МОГИЛЬНИК АКШОКЫ — НОВЫЙ ПАМЯТНИК В СИСТЕМЕ АНДРОНОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ САРЫАРКИ

В последние годы археологическими исследованиями была охвачена целая группа федоровских памятников, демонстрирующих «чистую» линию развития (Бесоба, Шерубай-1, Бада и др.). Одним из таких комплексов является раскопанное на могильнике Акшоки многомогильное сооружение 1, которое представляет собой две вписанные друг в друга ограды прямоугольной в плане формы, вытянутые в меридиональном направлении. В заглубленной внутренней площадке было устроено семь выстроенных в линию могил с остатками кремации. Основные характеристики погребального обряда ограды Акшоки находят широкие аналогии в федоровских древностях Сарыарки и сопредельных регионов, а также отражают совмещение некоторых существенных особенностей регионального и общекультурного порядка: многомогильные комплексы (Сангуыр II, Айшрак), спаренные ящики (Айшрак, Бельасар, Балакулболды II), возведение двойной ограды, в том числе разными строительными методами, известное по материалам могильников Аксу-Аюлы II, Жыланды III, Бесоба. Массовые одноактные захоронения, видимо, связаны с исключительными обстоятельствами смерти, выходящими за рамки естественной смертности. Возможно, одной из таких причин явилось какое-то военное межплеменное столкновение, чему не противоречит пестрая культурная картина, фиксируемая в Центральном Казахстане, где происходили сложные процессы ассимиляции и интеграции на разных этапах между петровскими, алакульскими и федоровскими группами населения. Установить конкретную хронологическую позицию ограды Акшоки довольно проблематично, во-первых, в связи с общей неразработанностью детальной периодизации федоровской культуры; во-вторых, из-за практически сплошного ограбления в древности исследованных захоронений. Думается, наиболее верным будет принять широкую дату в рамках первой половины II тыс. до н.э., что подтверждается применением методов радиоуглеродного датирования федоровских древностей.

Ключевые слова: Сарыарка, бронзовый век, андроновские древности, федоровская культура, погребальный комплекс, кремация.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-048-056

Археологические факты

В 2012 г. археологической экспедицией Карагандинского областного историко-краеведческого музея проводились исследования комплекса разновременных памятников в местности Тортколь. Работами были охвачены сооружения нескольких исторических эпох на могильниках Акшоки, Танабай и отдельные погребальные постройки Тасшоки, Сеитказы, Шантимес и Карасу I. Особый интерес представляет ограда 1 могильника Акшоки, при раскопках которой получен материал бронзового века.

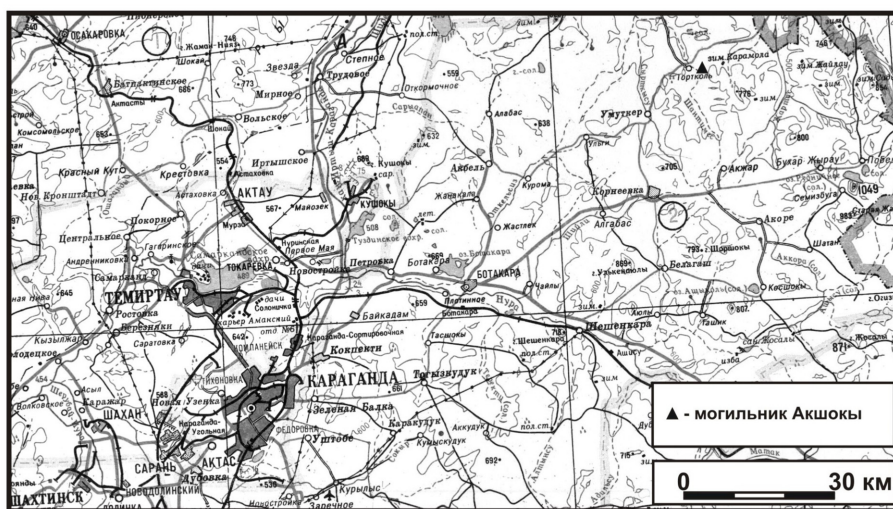
Некрополь Акшоки находится в Бухаржырауском районе Карагандинской области, на левом берегу р. Шантимес, в 2 км восточнее п. Тортколь и занимает относительно ровную площадку, на которой визуально фиксируются отдельные разновременные погребальные комплексы (рис. 1).

До раскопок сооружение 1 представляло собой прямоугольную в плане ограду, ориентированную в меридиональном направлении, которая фиксировалась по плитам, выступавшим на современной дневной поверхности на 0,15–0,4 м (рис. 2). На объекте был разбит раскоп общей площадью 70 м².

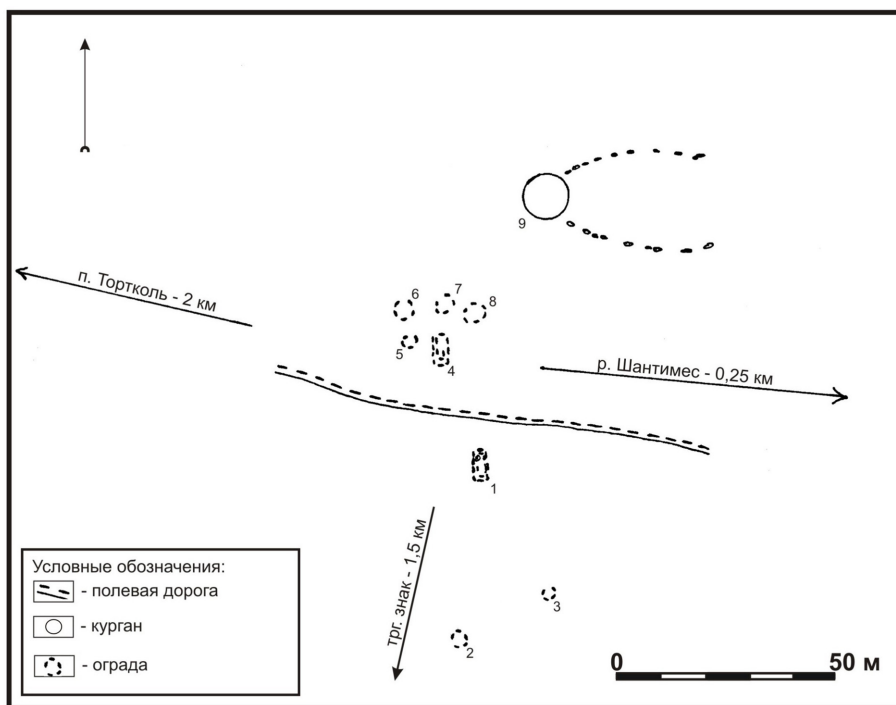
После снятия дернового слоя были выявлены две вписанные друг в друга ограды. Внешняя, размерами 8×4 м, была возведена из плит, установленных на ребро с целенаправленным наклоном внутрь, что достигалось благодаря подпорочным камням. С южной и северной сторон

Могильник Акшоки — новый памятник в системе андроновских древностей Сарыарки...

плиты ограды сохранились фрагментарно. Внутренняя ограда, размерами 7,5×2,5 м, имела аналогичную форму и ориентировку, но возводилась иным способом — заглубленной в грунт строительной кладкой в 2–3 ряда высотой.

1

2

Рис. 1. Могильник Акшоки. Местонахождение (1) и план (2) памятника.

Во внутреннем пространстве второй ограды был вырыт общий котлован, в котором на глубине 0,3–0,5 м от уровня материка фиксировались торцовые стенки каменных ящиков и разбитые плиты перекрытия могил. После выборки грунта были выявлены вытянутые в линию семь каменных ящиков, сооруженных из гранитных плит и ориентированных по линии запад — восток. Основная масса погребений (№ 3–7) совершена в отдельных каменных ящиках, погребения № 1 и 2 имели общую боковую стенку (рис. 3).

Рис. 2. Вид ограды Акшоки до раскопок.

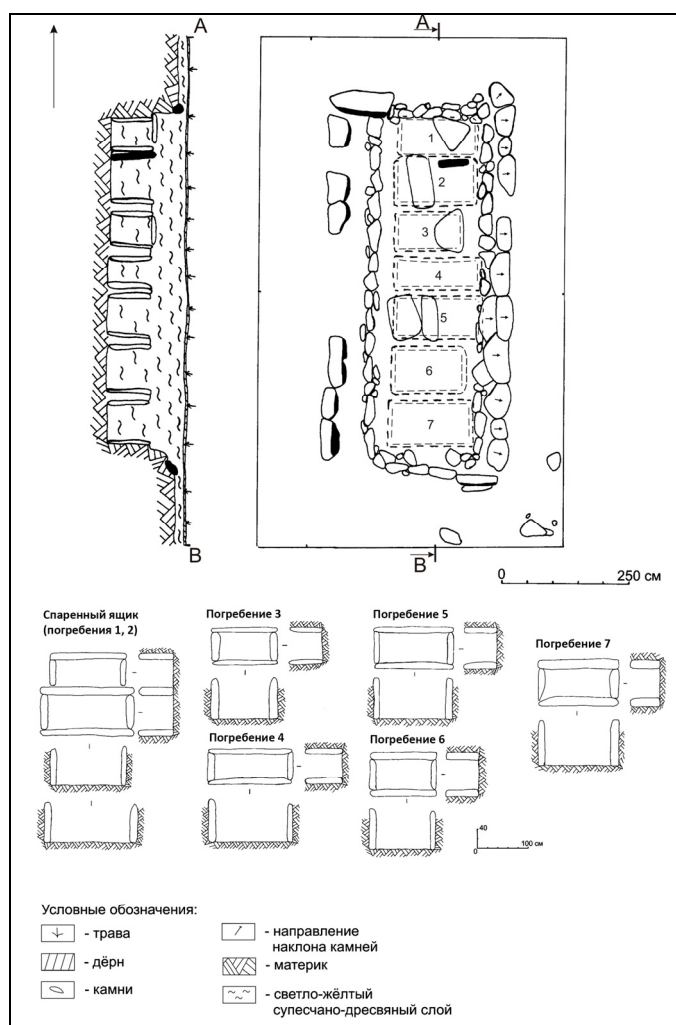

Рис. 3. Планы и разрезы ограды и погребений.

Ящик № 1. Расположен в северной части внутриоградного пространства. Размеры 1,5×0,75×0,8 м. Торцовые плиты выступают над продольными на 0,2 м. В процессе выборки заполнения могилы фиксировались фрагменты разрушенного перекрытия в виде обломков

Могильник Акшоки — новый памятник в системе андроновских древностей Сарыарки...

плит. На глубине 0,3 м от краев могилы обнаружены мелкие фрагменты керамики, ниже, у дна, найдены астрагал барана и кальцинированные кости.

Ящик № 2. Размеры 1,7×1×0,8 м. Торцовые плиты возвышаются над продольными до 0,3 м, причем западная несколько выше. В заполнении могилы встречались разрозненные фрагменты керамики и кальцинированные кости.

Ящик № 3. Размеры 1,2×0,7×0,8 м. Торцовые плиты возвышались над продольными на 0,1 м. При расчистке могилы встречены фрагменты каменного перекрытия и фрагменты глиняной посуды. На глубине 0,5 м расчищены остатки кремации в виде отдельных кальцинированных костей.

Ящик № 4. Размеры 1,7×0,7×0,85 м. На глубине 0,6 м обнаружены фрагменты керамики (рис. 4, 3). В процессе выборки заполнения могилы на глубинах 0,4–0,8 м встречались кальцинированные кости.

Ящик № 5. Размеры 1,7×0,9×0,85 м. Торцовые стенки возвышались над длинными продольными до 0,3 м, причем западная была выше восточной. На глубине 0,4 м обнаружены фрагменты керамики (рис. 4, 2, 4). На уровне 0,5–0,7 м расчищены остатки кремации в виде отдельных кальцинированных костей.

Ящик № 6. Размеры 1,3×0,95×0,85 м. Торцовые стенки возвышались над продольными до 0,15 м. Во внутреннем пространстве могилы обнаружены фрагменты каменного перекрытия. На глубине 0,3 м найдены бронзовые подвеска, звено пронизки и бусина. У дна могилы на уровне 0,5–0,7 м отмечены кальцинированные кости.

Ящик № 7. Размеры 1,75×0,9×0,85 м. Торцовые стенки могилы превышают продольные до 0,35 м, причем восточная несколько выше западной. В процессе выборки заполнения встречены фрагменты керамики (рис. 4, 1), а на глубине 0,5–0,7 м фиксировались отдельные скопления кальцинированных костей.

Погребальный инвентарь исследованного комплекса представлен украшениями в виде подвески в 1,5 оборота, звена пронизки, бусины и фрагментов керамики как минимум от четырех сосудов, один из которых удалось реставрировать (рис. 4, 1).

Керамический сосуд имеет горшечную форму, плавную профилировку, округлое плечо, переходящее в раструбообразную шейку с уплощенным венчиком. Орнамент нанесен по прямой сетке мелкозубчатым штампом и покрывает верхнюю половину сосуда. В композиционном плане подразумевается три обособленные зоны орнамента, что достигалось благодаря использованию каннелюр (рис. 4).

Аналогии

Керамический комплекс имеет широкие аналогии среди федоровских древностей Сарыарки и сопредельных территорий. Округлое плечо — важный диагностирующий признак, напрямую связанный с технологией изготовления сосудов, при которой ленты накладывались со скосом наружу [Кузьмина, 2008, рис. 23]. Раструбообразной формой шейки реставрированный сосуд близок к известным экземплярам в материалах могильников Зевакино [Арсланова, 1973, рис. 3], Дарьинский [Ломан, Кукушкин, 2012, рис. 12, 2].

Орнаментальная композиция в виде прямого меандра по тулову находит аналогии в материалах могильников Дарьинский [Ломан, Кукушкин, 2012, рис. 12, 3; рис. 13, 5], Егизек [Маргулан, 1979, рис. 11, 1], Айшрак, Кытманово, Урский, Джартас, Путиловская Заимка II [Ковтун, 2016, табл. 26, 2, 3, 5–9] и раннеалакульских комплексах Аяпбергана [Кукушкин, 2006, рис. 4, 4]. Согласно типологии И.В. Ковтуна, композиционный вариант орнамента сосуда Акшоки является классическим моносюжетом, в котором доминантный мотив — цепочка треугольников по венчику с сопутствующей трехзональной разбивкой [2016, с. 21]. Довольно показательно, что тулово не покрыто сложными меандровыми фигурами, усложненными отростками и обрамленными фестонами.

Как считает И.В. Рудковский, нанесение орнамента по прямой сетке и соотношение прямых и скошенных фигур на федоровской керамике при статичности базовых свойств орнаментики (65,1 %) не следует превращать в стереотип [2013, с. 44, 46].

Исследованный погребальный комплекс Акшоки, отражает особенности центрально-казахстанских федоровских материалов: возведение двойной ограды разными строительными методами, линейный принцип планирования внутриоградного пространства, сильно заглубленные в материк ящики и спаренные погребальные камеры.

Подобные по устройству федоровские многомогильные комплексы с линейной планировкой исследованы в составе некрополя Сангуыр II [Кадырбаев, 1961, рис. 3] и синкретических памят-

ников Былкылдак I, Айшрак, Аксу-Аюлы I, Жамбай-Карасу, Басбалдак, Койшоки I [Маргулан и др., 1966], Атасу I [Кадырбаев, Курманкулов, 1992], Ижевский I, познепетровских комплексов Бозенгена [Ткачев, 2002a, b] и раннеалакульского могильника Нураталды I.

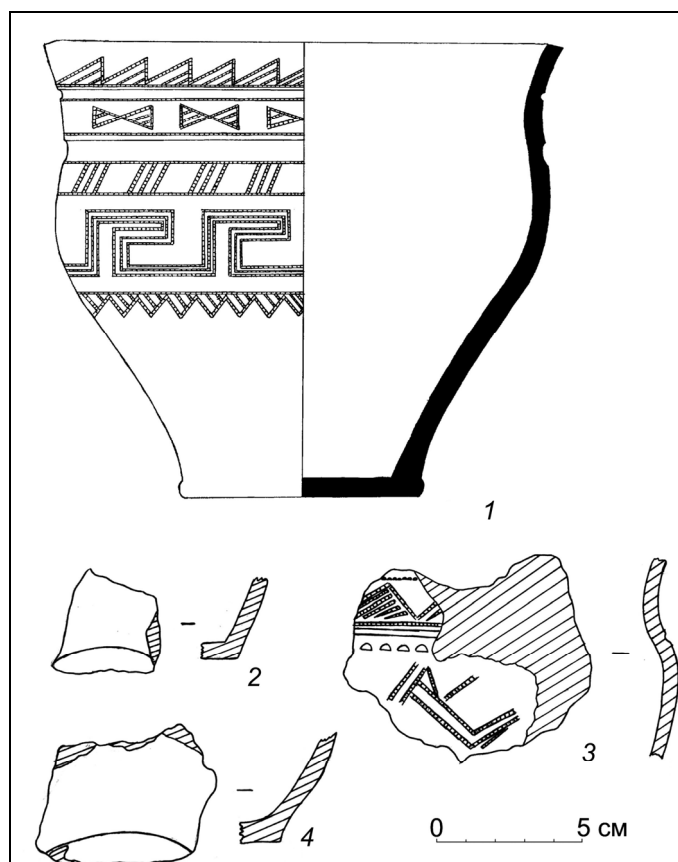

Рис. 4. Керамическая коллекция:
1 — погребение 7; 2, 4 — погребение 5; 3 — погребение 4.

Как справедливо отмечала Т.С. Малютина: «определяя каждое последующее место захоронения, федоровское население руководствовалось линейными принципами, как при возведении отдельных курганов, так и при сооружении отдельных камер на погребальной площадке» [1994, с. 10], что противопоставляется круговой планировке петровских и раннеалакульских комплексов.

Появление у петровцев и алакульцев Сарыарки линейного принципа является результатом смешения с автохтонными федоровскими этнокультурными группами, что отмечается в ряде петровско-федоровских смешанных комплексов Сарыарки (Икпень I, Алтынсу, Балыкты, Звенигородка и др.) [Кабанов и др., 1975; Ткачев, 2002b], которые выделены А.А. Ткачевым в балыктинский тип [2002b, с. 215], видимо синхронный марининскому [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 248–249] Верхнего Прииртышья. Апогея процессы ассимиляции и интеграции достигают на алакульском этапе, что в конечном счете приводит к сложению алакульско-федоровского синкретического типа памятников (Тасырбай II, Акимбек I, Сангуыр II, Ижевский I, Аяпберген, Шапат, Тегисжол, Ельшибек и др.) [Варфоломеев, 2007; Кукушкин, 1989, 2006; Маргулан и др., 1966; Оразбаев, 1959; Ткачев, 2002a], в которых переплетаются обе культурные традиции.

Сложная по устройству надмогильная конструкция, состоящая из нескольких вписанных оград, которые возведены разными строительными методами, неоднократно фиксировалась при раскопках федоровских комплексов Сарыарки на некрополях Аксу-Аюлы II [Маргулан и др., 1966], Бесоба [Кукушкин, Дмитриев, 2016], Жыланды III [Кукушкин, 2014].

Отличительными особенностями ограды Акшоки являются заглубленная в материк внутриоградная площадка, отмеченная ранее на могильнике Алпымса [Ткачев, 2002b, рис. 147], значи-

тельная заглубленность в грунтовую яму погребальных камер (Жыланды I, III, Тундык, Алпымса, Самара) [Кукушкин, 2014; Кукушкин и др., 2015; Ткачев, 2002a], наличие спаренного ящика (Айшрак, Бельсар, Балакулболды II) [Маргулан и др., 1966; Маргулан, 1979].

Интерпретация

Думается, характер устройства исследованного погребального комплекса показывает его одноактность. Совершение целого ряда одновременных захоронений явление неординарное и связано с исключительными обстоятельствами смерти, выходящими за рамки естественной смертности. Традиционно под ними подразумеваются военные столкновения, эпидемии, жертвоприношения.

Исследованные погребальные камеры, судя по размерам, предназначены для взрослых индивидов, а обнаруженные украшения в равной степени могли принадлежать мужчинам и женщинам. Отсутствие детских погребений может указывать на искусственный выбор возрастной группы умерших, что при эпидемии маловероятно. Характер известных в материалах федоровской культуры человеческих жертвоприношений [Дмитриев, 2016] несопоставим с комплексом Акшоки. Наиболее вероятно, что погребенные погибли при каком-то военном столкновении или нападении. Показателен абашевский Пепкинский курган [Халиков и др., 1966], в основном захоронении которого расчищено более 20 уложенных в ряд молодых мужчин, в костях которых фиксировались наконечники стрел. У большинства отрубленные головы были приложены к туловищам, у 7 чел. они вообще отсутствовали. В Центральном Казахстане о насильственной смерти свидетельствует захоронение в ограде 10 могильника Балакулболды II [Маргулан, 1979, с. 54], где обнаружена тазовая кость с вонзившимся в нее наконечником стрелы. На определенные межродовые конфликты указывают отдельные алакульские поселения Южного Зауралья, уничтоженные в результате военных набегов. На месте поселка фиксируются следы пожара и останки людей, погибших насильственной смертью, что доказывается различного рода тяжелыми прижизненными травмами, несовместимыми с жизнью [Чемякин, 2015, с. 172]. Пестрая культурная картина, отмечаемая на территории Центрального Казахстана, где происходили сложные процессы ассимиляции и интеграции, вполне могла обуславливать столкновения отдельных групп населения.

При попытке интерпретации не стоит исходить из способа обращения с телами умерших. Вся накопленная источниковая база позволяет уверенно говорить о наличии у федоровцев биритуализма в широком смысле. Выводы о кремации как об экстраординарном явлении или о статусном обряде не подтверждаются при масштабном статистическом анализе. Большинство предположений «работают» лишь в узких локальных группах и неспособны объяснить ситуацию при сопоставлении с соседними регионами. Наиболее близко к пониманию сути федоровского биритуализма подошли в своих работах В.И. Молодин [1985, с. 109] и В.В. Бобров [1990, с. 84], которые на основании материалов барабинской и кузнецкой групп интерпретируют кремацию и трупоположение как превалирующий в той или иной этнокультурной группе обряд погребения.

Установить конкретную хронологическую позицию ограды Акшоки довольно проблематично, во-первых, в связи с общей неразработанностью детальной периодизации федоровской культуры; во-вторых, из-за практически сплошного ограбления в древности исследованных захоронений. Думается, наиболее верным будет принять широкую дату в рамках первой половины II тыс. до н.э., что подтверждается применением методов радиоуглеродного датирования [Молодин и др., 2014].

Отдельно отметим, что в теоретических построениях, которые отчасти проиллюстрированы в рамках данной статьи, мы исходим из принципа единства федоровской культуры как явления во всех ее ареалах от Южного Зауралья на западе до котловин по среднему течению Енисея на востоке, вплоть до Средней Азии на юге.

Принимая во внимание некоторые специфические черты конструкций погребальных сооружений в каждой локальной группе, стоит отметить, что они, вероятно, детерминированы наличием подходящего строительного материала. Так, к примеру, в Барабинской лесостепи, Верхнем Приобье и Кузнецкой котловине широко применялось для имитации каменных конструкций дерево (Юрман 1, Кытманово и др.) [Савинов, Бобров, 1995, с. 84–85; Уманский и др., 2007, с. 23–24]. Однако там, где присутствовал подходящий для строительных работ камень, федоровские этнокультурные группы возвращались к исходным стереотипам (памятники Среднего Енисея). Основные же культуроопределяющие признаки (керамический комплекс, набор сопро-

водительных вещей, способы обращения с телами умерших, линейный принцип внутриградной планировки) оставались практически неизменными (окуневские и кротовские черты в орнаментике и конструировании сосудов — результат ассимиляции автохтонных этнокультурных групп Южной Сибири аллохтонными федоровскими).

Признавая некоторое своеобразие федоровских памятников Центрального Казахстана (большее разнообразие надмогильных конструкций), авторы не поддерживают использование термина «нуринский», предложенного в 60-е гг. XX в. в качестве аналога федоровскому этапу андроновской культуры [Маргулан и др., 1966, с. 61]. Создание целой свиты «самостоятельных» (федоровских по сути) археологических культур (нуринская, канайская), отражающих одно явление, только усложняет понимание историко-культурных процессов, протекавших в бронзовом веке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА. 1973. № 4. С. 160–168.
- Бобров В.В. О взаимосвязи посуды и обряда погребения в андроновских памятниках Кузнецкой котловины // Древняя керамика Сибири: Типология, технология, семантика. Новосибирск: Наука, 1990. С. 81–88.
- Варфоломеев В.В. Могильник Тегисжол по раскопкам 2005 г. // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда: ИП Е.А. Сытина, 2007. С. 65–84.
- Дмитриев Е.А. Аграрный культ и человеческие жертвоприношения у носителей андроновской культуры (по материалам поселения Нижние Кайракты) // Кадырбаевские чтения — 2016: Материалы V Междунар. науч. конф. Актобе: ИП Жанадилова С.Т., 2016. С. 95–99.
- Кабанов Ю.Ф., Кожин П.М., Черных Е.Н. Андроновские находки на реке Алтынсу // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975. С. 230–240.
- Кадырбаев М.К. Могильник Сангуыр II // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1961. Т. 12. С. 48–61.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Аты: Гылым, 1992. 247 с.
- Ковтун И.В. Андроновский орнамент: (Морфология и мифология). Казань: Казанская недвижимость, 2016. 547 с.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.
- Кукушкин И.А. Андроновские могильники Кызылкентского ущелья // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ, 1989. С. 67–75.
- Кукушкин И.А. Могильник Аялбергген — раннеандоновский памятник Центрального Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар: ЭКО, 2006. Вып. 2. С. 50–69.
- Кукушкин И.А. Доандоновские погребения Центрального Казахстана // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана: Сарыарка, 2014. С. 401–414.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Полевые исследования на могильнике Бесоба (Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 2016. Вып. XXII. С. 142–147.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Могильник Тундык: Предварительные результаты исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале: (VI Всерос. науч. конференция). Челябинск, 2015. С. 136–143.
- Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Могильник Дарьинский // Археология и история Сарыарки. Караганда: Изд-во КарГУ, 2012. С. 81–106.
- Малютина Т.С. Федоровская культура Урало-Казахстанских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 27 с.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. 360 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1966. 436 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Т. 13: Археология и этнография. Новосибирск: Новосиб. национ. исслед. гос. ун-т, 2014. Вып. 3. С. 136–167.
- Оразбаев А.М. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 59–74.
- Рудковский И.В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Алматы: Хикари, 2013. 192 с.

Могильник Акшоки — новый памятник в системе андроновских древностей Сарыарки...

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Курганы андроновской культуры могильника Юрман I в Западной Сибири // Археологические вести. СПб., 1995. № 4. С. 83–90.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002а. Ч. 1. 289 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002б. Ч. 2. 243 с.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: Издательство АлтГУ, 2007. 132 с.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган: (Абашевский человек). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1966. 69 с.

Чемякин Ю.П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 169–176.

I.A. Kukushkin*, D.S. Zhusupov, E.A. Dmitriev***

*E.A. Buketov Karaganda State University
Universitetskaya st., 28, Karaganda, 100028, Kazakhstan

E-mail: sai@ksu.kz;

yevgenii1992@mail.ru

**Karaganda Regional Museum of Local History
Erubaev st., 38, Karaganda, 100000, Kazakhstan

E-mail: donya_1986@mail.ru

AKSHOKY BURIAL GROUND: A NEW MONUMENT IN THE SYSTEM OF ANDRONOVO ANTIQUITIES OF SARYARKA

In recent years, archaeological studies have covered a group of Fedorovo monuments, which demonstrate a «pure» line of development (Besoba, Sherubai-1, Bada, etc.). A multigrave structure 1 excavated at the Akshoky burial is one of these complexes. It consists of two rectangular fences penetrating each other and elongated latitudinally. Seven graves arranged in a line with remains of cremation are buried in the internal site. Key features of a burial rite of the Akshoky fence are similar to Fedorov antiquities of Saryarka and adjacent regions, they also reflect a combination of some essential features of the regional and common cultural scale: multigrave complexes (Sanguir II, Aishrak), paired boxes (Aishrak, Belasar, Balakulboldi II), construction of double fencing, including different construction methods which are known according to the materials of the burial grounds of Aksu-Ayuly II, Zhylandy III, Besoba. Simultaneous burials of many people are probably associated with exceptional circumstances of death beyond natural mortality. Perhaps, one of those reasons was some kind of military tribal clash, which is not contrary to the variegated cultural situation in Central Kazakhstan, where the complex processes of assimilation and integration at different stages occurred between the Petrovka, Alakul and Fedorovo groups of population. It is problematic to determine a specific chronological position of the Akshoky fence, firstly, due to lack of detailed periodization of the Fedorovo culture; second, because of the almost continuous robbery of the investigated graves in ancient times. It seems to the authors that the most correct decision is to accept a wide date range within the first half of the II Millennium BC, as it is evidenced by wide application of methods of radiocarbon dating of Fedorovo antiquities.

Key words: Saryarka, the Bronze Age, Andronovo antiquity, the Fedorovo culture, burial grounds, cremation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-048-056

REFERENCES

Arslanova F.Kh., 1973. Pamiatniki andronovskoi kul'tury iz Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti [Monuments of the Andronovo culture of East Kazakhstan Region]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 4, pp. 160–168.

Bobrov V.V., 1990. O vzaimosvizi posudy i obriada pogrebeniia v andronovskikh pamiatnikakh Kuznetskoi kotloviny [On relationship between dishes and the burial rite at the Andronovo monuments of the Kuznetsk Depression]. *Drevniaia keramika Sibiri: Tipologiya, tekhnologiya, semantika*, Novosibirsk: Nauka, pp. 81–88.

Chemiakin Iu.P., 2015. Sledy voennykh konfliktov na alakul'skikh poseleniakh [Traces of military conflicts in Alakul settlements]. *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale: Materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, Cheliabinsk, pp. 169–176.

Dmitriev E.A., 2016. Agrarnyi kul't i chelovecheskie zhertvoprinosheniia u nositelei andronovskoi kul'tury (po materialam poseleniia Nizhnie Kairakty) [Agricultural cult and human sacrifice in bearers of the Andronovo culture (based on the settlement of Lower Kairakty)]. *Kadyrbaevskie chteniia — 2016: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Aktobe: IP Zhanadilova S.T., pp. 95–99.

- Kabanov Iu.F., Kozhin P.M., Chernykh E.N., 1975. Andronovskie nakhodki na reke Altynsu [Andronovo findings on the Altynsu River]. *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii*, Moscow: Nauka, pp. 230–240.
- Kadyrbaev M.K., 1961. Mogil'nik Sanguyr II [Sanguyr II burial ground]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR*, vol. 12, pp. 48–61.
- Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh., 1992. *Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (po materialam Severnoi Betpak-Daly)* [Culture of ancient herdsmen and metal-makers of Sary-Arka (based on the materials of North Betpak-Dala)], Alma-Aty: Gyl'm, 247 p.
- Khalikov A.Kh., Lebedinskaia G.V., Gerasimova M.M., 1966. *Pepkinskii kurgan: (Abashevskii chelovek)* [Pepkinsky mound: (Abashev human)], Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 69 p.
- Kovtun I.V., 2016. *Andronovskii ornament: (Morfologiya i mifologiya)* [Andronovo Ornament: (Morphology and mythology)], Kazan': Izdatel'skii dom «Kazanskaia nedvizhimost'», 547 p.
- Kukushkin I.A., 1989. Andronovskie mogil'niki Kzylkentskogo ushel'ia [Andronovo burials of the Kzylkent gorge]. *Voprosy arkheologii Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana*, Karaganda: Izd-vo KarGU, pp. 67–75.
- Kukushkin I.A., 2006. Mogil'nik Aiapbergen — ranneandronovskii pamiatnik Tsentral'nogo Kazakhstana [The burial of Aiapbergen, an early Andronovo monument in Central Kazakhstan]. *Izuchenie pamiatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ia*, Pavlodar: EKO, 2, pp. 50–69.
- Kukushkin I.A., 2014. Doandronovskie pogrebeniia Tsentral'nogo Kazakhstana [Pre-Andronovo burials of Central Kazakhstan]. *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana*, Astana: Saryarka, pp. 401–414.
- Kukushkin I.A., Dmitriev E.A., Kukushkin A.I., 2015. Mogil'nik Tundyk: Predvaritel'nye rezultaty issledovaniia [The burial of Tundyk: Preliminary results]. *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale: (VI Vserossiiskaia nauchnaia konferentsiia)*, Cheliabinsk, pp. 136–143.
- Kukushkin I.A., Dmitriev E.A., 2016. Polevye issledovaniia na mogil'nike Besoba (Kazakhstan) [Field research at the burial of Besoba (Kazakhstan)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledii Altaiskogo kraia*, XXII, Barnaul: AltGU, pp. 142–147.
- Kuz'mina E.E., 2008. *Klassifikatsiia i periodizatsiia pamiatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti* [Classification and periodization of monuments of the Andronovo cultural community], Aktobe: PrintA, 358 p.
- Loman V.G., Kukushkin I.A., 2012. Mogil'nik Dar'inskii [Darinsky burial ground]. *Arkheologiya i istoriia Saryarki*, Karaganda: Izd-vo KarGU, pp. 81–106.
- Maliutina T.S., 1994. *Fedorovskaia kul'tura Uralo-Kazakhstanskikh stepei* [The Fedorovo culture of Ural-Kazakhstan steppes]. Avtoreferat dissetatsii kandidata istoricheskikh nauk. Moscow, 27 p.
- Margulan A.Kh., 1979. *Begazy-dandybaevskaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [The Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan], Alma-Ata: «Nauka» KazSSR, 360 p.
- Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M., 1966. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [Ancient culture of Central Kazakhstan], Alma-Ata: «Nauka» KazSSR, 436 p.
- Molodin V.I., 1985. *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age], Novosibirsk: Nauka, 200 p.
- Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiouglerodnaia khronologiya kul'tur epokhi bronzy Urala i juga Zapadnoi Sibiri: Printsipy i podkhody, dostizheniia i problemy [Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of the Urals and the South of Western Siberia: Principles and approaches, achievements and challenges]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya Istoriia, filologiya*, vol. 13: Arkheologiya i etnografiia, 3, Novosibirsk: Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniia Novosibirskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet, pp. 136–167.
- Orazbaev A.M., 1959. Pamiatniki epokhi bronzy Tsentral'nogo Kazakhstana [The Bronze Age monuments in Central Kazakhstan]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR*, vol. 7, pp. 59–74.
- Rudkovskii I.V., 2013. *Andronovskaia ornamentika v kontekste sistemoobrazuiushchikh invariantov* [Andronovo ornaments in the context of the core invariants], Almaty: Khikari, 192 p.
- Savinov D.G., Bobrov V.V., 1995. Kurgany andronovskoi kul'tury mogil'nika Iurman I v Zapadnoi Sibiri [Mounds of the Andronovo culture of the burial ground of Yurman I in Western Siberia]. *Arkheologicheskie vesti*, no. 4, St. Petersburg, pp. 83–90.
- Tkachev A.A., 2002a. *Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy* [Central Kazakhstan in the Bronze Age], vol. 1, Tiumen': TiunGNGU, 289 p.
- Tkachev A.A., 2002b. *Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy* [Central Kazakhstan in the Bronze Age], vol. 2, Tiumen': TiunGNGU, 243 p.
- Tkacheva N.A., Tkachev A.A., 2008. *Epokha bronzy Verkhnego Priirtysh'ia* [The Upper Irtysh River basin in the Bronze Age], Novosibirsk: Nauka, 304 p.
- Umanskii A.P., Kiriushin Iu.F., Grushin S.P., 2007. *Pogrebal'nyi obriad naseleniia andronovskoi kul'tury Prichumysh'ia (po materialam mogil'nika Kytmanovo)* [Funerary rite among the population of the Andronovo culture of the Chumysh River basin (based on the materials of the Kytmanovo cemetery)], Barnaul: Izd-vo AltGU, 132 p.
- Varfolomeev V.V., 2007. Mogil'nik Tegiszhol po raskopkam 2005 g. [The burial ground of Tegiszhol: 2005 excavations]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Saryarki*, Karaganda: IP E.A. Sytina, pp. 65–84.